

ПОКУШЕНИЕ НА ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ РАСКАЗЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ

ОЛЕГ ЯНЕНАГОРСКИЙ

МОСТ

Кабинет следователя транспортной прокуратуры заливало не по-осеннему яркое солнце. Из окна была хорошо видна река и старый железнодорожный мост, построенный еще в начале XX века. Допрос свидетеля по делу о крушении грузового поезда был окончен, и мне не терпелось поскорее уйти домой. Устал я с этим делом, но расследование было почти закончено, и эта мысль помогала тянуть ляжку следственной тягомотины.

— Пожалуйста, прочитайте протокол, и если нет замечаний и дополнений к тексту, то подпишите каждую страницу, — обратился я к пожилому путейцу, которого допрашивал почти целый час.

— Вежливые вы все стали, — сварливо протянул свидетель, — пожалуйста, присядьте, пожалуйста, прочитайте, пожалуйста, распишитесь...

— Простите, разве я когда-либо был с Вами груб или невежлив? — спросил я недоуменно. Сегодня мы увидели друг друга первый раз в жизни, и я точно знал, что никогда с ним грубо не разговаривал.

— Да причем здесь ты, молод ты еще, жизни не видел, хоть и следователь, — старик явно разволновался, — вот смотри, видишь полный рот железных зубов?

При этих словах, он широко открыл рот, и я увидел, что все передние зубы у него действительно были металлические. Завершение допроса из стандартной процедуры подписания протокола явно переходило в какую-то иную плоскость. Слов нет, по сравнению с этим дедом, я молод, но все же я следователь и нутром чую изменение ситуации.

— Ну-ну, давайте-ка поподробнее про железные зубы, — сказал я и откинулся в своем крутящемся кресле. Старик тоже откинулся на спинку стула, и было видно, что в нем происходит борьба мотивов — говорить дальше или не говорить? Я же решил резко сменить и тон, и стиль разговора.

— Давай, дед, колись, где зубы железные нажил? Поди, на Колыме срок мотал?

Старик еще немного помолчал, а потом решил продолжить разговор.

— Мне в конце 37-го года было почти 17 лет, и я уже полгода работал разнорабочим на нашей станции. Зачем меня вызвали в отдел НКВД на железнодорожном транспорте, я не представлял, но колени мои подгибались уже на подходе к ихнему зданию. Месяц назад ночью прямо возле депо забрали моего двоюродного дядю, работавшего начальником нашей станции, потом арестовали его жену и сына. Поэтому ничего хорошего от вызова в НКВД мне тоже не ждалось. Когда я зашел в кабинет и назвал свою фамилию, следователь писал какую-то бумагу. Молча посмотрев на меня, он поднялся, достал из сейфа картонную папку, вынул несколько листов желтоватой бумаги, протянул мне ручку и сказал одно слово: «Подписывай». Я подошел к столу и увидел, что это был протокол допроса и на первой странице указаны мои биографические данные.

— А что там... ну, в этом... протоколе написано, я же еще ничего не говорил, — горло мое пересыхало от страха и волнения, и я все время облизывал губы. Следователь снова молча посмотрел на меня, положил протокол на стол, открыл верхний ящик, вынул наган и со страшной силой ударил меня рукояткой в зубы. Я отлетел от стола к двери, ударился головой о косяк и очнулся не сразу, а только после того, как он вылил на меня графин холодной воды.

— За что Вы меня, — прошепелявил я сквозь разбитые губы после того, как вместе с кровью выплюнул на пол свои зубы.

— Подписывай, — снова сказал следователь и протянул протокол моего допроса...

— Я все подписал... не глядя, — закончил старик свой рассказ, — и до сих пор не знаю, что же было в этом протоколе. Слава Богу, живой вышел в тот день из НКВД, видно на мое счастье добрый следователь мне попался... или в хорошем настроении был в тот день. Вот так и живу с думой о том, что может там, что про мою родню было сказано...

— А-а Ваши родственники? С ними что произошло, — спросил я у старика.

— А их всех расстреляли за взрыв железнодорожного моста с целью покушения на товарища Иосифа Виссарионовича Сталина...

— Сталин бывал в наших краях? — удивился я, — вспомнив опубликованные воспоминания его современников, о том, как не любил вождь выезжать из Москвы.

— Да нет, Сталин никогда здесь не был, — горько усмехнулся старик, — поэтому никакого тут покушения не было... да и быть не могло.

— А мост когда взорвали? — уточнил я.

— Да никто его не взрывал, — неожиданно заорал старик, брызжа слюной и тыча рукой в окно, — вон, гляди, как построили, так и стоит до сих пор.

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ СКВЕРНОСЛОВА

Уважаемый суд!

Со стороны защиты отрицание фактов было бы непростительной ошибкой. Все, что было сказано в судебном процессе, является истинной правдой: мой подзащитный действительно сквернословил, выражался грубой нецензурной бранью, матерился. Можно найти еще десятки эпитетов тому, что вырывалось из горла моего подзащитного. Можно и по-иному квалифицировать деяние моего подзащитного, например, как оскорбление. Или даже как хулиганство, т.е. действия, грубо оскорбляющие общественную нравственность и нарушающие общественный порядок. Но, как не назови сквернословие, оно все равно останется сквернословием.

Более того, я скажу — нет, не в оправдание — но для полноты картины и ради истины: мой подзащитный сквернословил всю свою жизнь, если не считать самого раннего детства, когда он еще не умел браниться, точнее сказать, пока его этому не научили. Но выученное он хорошо запомнил и однажды, будучи еще невинной птахой, оставшись один на балконе, он собрал целую толпу. Народ «на бис» требовал повторения наиболее смачных выражений.

Но почему он так делал? Что или кто заставил его сквернословить? Я отвечу на свой вопрос просто: это сделала жизнь. И в понятие жизни я включаю обстоятельства и действия людей, научивших моего подзащитного сквернословию и похабщине.

Но, уважаемые судьи, давайте, прежде чем вынести справедливый, законный и обоснованный приговор, рассмотрим жизнь моего подзащитного на фоне огромной картины социальной жизни человечества. Да, часто эта картина рисуется грязными пятнами ругательства и сквернословия. И тот, кто живет среди людей, вольно или невольно впитывает в себя эту социальную грязь. Как сказали бы классики марксизма-ленинизма «Нельзя жить в обществе и быть свободным от пороков и матерного языка общества».

Мой подзащитный жил в обществе людей и он с первых дней начал усваивать грязный язык человеческого общества. Чтобы суд понял, в каких условиях вырос мой подзащитный, я скупыми штрихами набросаю историю развития сквернословия в человеческом обществе в целом, и в России в частности. И пока я изображаю роль мата в нашей жизни, прошу суд не спускать взгляда с того несчастного существа, которое Вы видите сквозь металлические прутья, лишаящие его свободы.

Имя первого сквернословя сохранила для нас Библия. Это был Хам, один из трех сыновей Ноя. Он публично смеялся над своим спящим обнаженным отцом и употреблял при этом различные бесстыдные слова. И за это был наказан родительским проклятьем. Но сквернословие не исчезло. Иисус Христос в «Нагорной проповеди» грозил употребляющим бранные слова геенной огненной, но люди продолжают браниться.

Нет страны, где люди бы не ругались с древности и до наших дней.

Возьмем, к примеру, родину европейской цивилизации. Существовал ли мат в Древней Греции? Обратимся к преданиям. В IV веке до нашей эры жил великий математик Архит Тарентский. Именно ему принадлежит решение задачи об удвоении куба. Вообще-то он был человеком стыдливым и боялся произносить непристойные слова. Но когда обстоятельства принуждали его к их употреблению, то он, молча, писал их на стене и указывал пальцем. Таким образом, он все равно матерился, только не вслух.

Общеизвестно, что больше и лучше всех матерятся русские. Наш русский мат, к сожалению, это такая же часть нашего повседневного бытия, как любовь и смерть, как походы по магазинам и трудовая деятельность, как поездки в автобусах и политика, как искусство и мытье посуды.

Перед рассмотрением дела в суде я специально изучил результаты социологического опроса за прошедший год. На вопрос «Употребляете ли Вы в своей речи мат», 12% наших соотечественников ответили «да, часто», еще 48% — «да, иногда», и еще 40% ответили «почти никогда». Но что это означает — «почти никогда»? Этого никто не знает... Один известный человек как-то сказал: «Мы не ругаемся матом — мы на нем разговариваем». Но это, конечно, явное преувеличение!

Русский мат имеет глубокие языческие корни, и принудительное введение христианства ничего не изменило. Часто матерное слово было проклятьем. Но в аграрно-языческой культуре мат мог быть не только проклятьем, но и заклятьем, оберегом: он защищал человека от болезни, скот — от бесплодия, пашню — от неурожая.

Славянским обычаем была и ратная ругань: поношение врага перед битвой ослабляло его силу и усиливало свою. Если мы обратимся к историческим источникам, то узнаем, что каждый престольный праздник на Руси отмечался массовыми драками, которые сейчас вежливо называют «кулачными боями». Но начинали схватку не богатыри, а шутники-матершинники, которые раззадоривали бойцов. Может быть, тогда и появилось выражение «поле брани»?

Церковь боролась с матом, потом ей на помощь пришло государство. В 1648 увидел свет царский указ, запрещающий произношение срамных слов. Увы! Народ продолжал ругаться. Неоднократно русские цари хотели известить сквернословие кнутом и батогами. При Алексее Михайловиче в толпах народа ходили переодетые стрельцы и хватали тех, кто бранился позорной бранью. При этом, пресекая сквернословие, стрельцы и сами часто матерились от всей души. Можно смело утверждать: особенности языка — особенность истории России.

Прошли века, но мат остался. Наши люди без него жить не могут. Матерятся артисты и писатели, дети и старушки, матерятся офицеры доблестной российской армии и скромные проститутки. А как матерятся воры и политики! Впрочем, политики матерятся хуже, не все прошли настоящую лагерную школу. Ну, да ничего, даст Бог, все там будут. Бывший мэр Москвы Юрий Лужков справедливо считает, что «мат — единственный язык, указания на котором понимаются без искажения».

Наш мат знают везде. Даже на пирамиде Хеопса какой-то восхищенный русский турист оставил надпись из трех известных букв. Конечно, есть тяжелые случаи, имеющие болезненную окраску. У психиатров даже существует термин — «копролалия» — означающий систематическое засорение речи душевнобольных нецензурными словами и циничными выражениями. На чаще все же мы материмся изредка и мимоходом. Ну, подумайте, сами, уважаемые судьи, что должен или может сказать человек, ударивший молотком не по гвоздю, а по пальцу? Поверьте, он никогда не скажет в этот момент, что восхищен великим произведением известного российского кинорежиссера с красивым, но труднопроизносимым названием. Все это слышат окружающие, слышат и незаметно для себя впитывают и переносят дальше.

Но есть еще и специальное обучение мату и сквернословию. И жертвой такого обучения стал мой подзащитный. Его трудный жизненный путь отражен в материалах дела. Надо прямо сказать, что его рано вырвали из родительского гнезда и продали. Продали за жалкие гроши и начали учить сквернословию! Сначала он попал в публичный дом, потом — к матросам, потом... Господа! Природная стеснительность мешает мне воспроизвести названия всех мест, куда злая судьба заносила моего подзащитного.

Уважаемый суд! Я закончил свою защитительную речь и сформулирую выводы: мой подзащитный не знает иного языка, кроме языка брани, и не может по-иному выражаться. Для подтверждения этого прошу суд предоставить ему последнее слово. И, чтобы пробудить в моем подзащитном тягу к самовыражению в последнем слове, я скажу слово, которое он слышал на протяжении всей своей жизни: «Матерись!»...

...Услышав знакомое слово, большой попугай, сидевший в клетке, востепенно, захлопав крыльями и громко закричал:

.....

Выслушав все стороны, суд пришел к выводу: подсудимый не виновен, но заслуживает снисхождения.

СПРАВКА

Следователь, который вел это дело, ушел в отпуск и не вернулся. То ли сгинул где-то в подвале, то ли получил такое назначение, о котором лучше не спрашивать. В любом случае — чем меньше знаешь, тем дольше сам протянешь.

Два дня назад начальник отдела передал дело мне со строгим указанием — быстро решить вопрос. Вчера я был занят обысками и арестами по другим делам, но сегодня решил заняться этим делом. Быстренько пролистав несколько страниц, я сделал для себя вывод: типичный пример контрреволюционного преступления, предусмотренного статьей 58-й УК РСФСР. Тем не менее, серьезно относясь к поручению, я достал кодекс и перечитал текст: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания...». По части второй этой статьи за те же действия, совершенные при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении можно применить высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества...

Дело было проще простого: подсобный рабочий литейного завода в воскресенье возле пивного ларька в нецензурной форме выражал недовольство Советской властью и матерно ругал низкие расценки на формовочные работы. Очевидцы были допрошены и все подтвердили факт преступления, обвиняемый вину свою признал, на допросе пытался чистосердечно раскаться, но от написания собственноручных показаний отказался, сославшись на полную неграмотность. В связи с этой самой неграмотностью, на протоколе допроса в качестве обвиняемого он, под своими чистосердечными показаниями, поставил маленький крестик. Это было еще две недели назад. И, какого черта, прежний следователь не успел такое простое дело закончить?

Переложив копиркой пять листов бумаги, заправив всю стопку в пишущую машинку, я начал печатать обвинительное заключение. Печатаю я двумя пальцами не очень быстро и хорошо, поэтому скоро устал. Перед окончанием работы решил сделать перерыв, покурить, побалакать с оперативниками. Вернувшись, я сел за стол, еще раз полистал дело и приступил к окончанию обвинительного заключения: «ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело №6660/3638 по обвинению... по ст. 58... и ст. 10 ч. 1 УК РСФСР направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР, применив к обвиняемому высшую меру социальной защиты — расстрел».

Подшив обвинительное заключение к остальным материалам дела, я отнес его к начальнику отдела. Еще через час он вызвал меня к себе и тихо спросил:

— Значит, обвиняемый матом ругал низкие расценки на заводе? Так, товарищ лейтенант?

— Так точно, — ответил я, не понимая, куда клонит начальник.

— Значит, в нецензурной форме выражал недовольство Советской власти, то есть, попросту говоря, тоже материл ее? — еще тише уточнил начальник.

— Так точно, и свидетели все подтвердили, — сказал я, не понимая, что происходит и холодея от недоброго предчувствия. — Он и сам, товарищ капитан, теперь сожалеет о случившемся. Говорит, что, мол, пьяный был и себя не помнит. Но ведь эти контры всегда так на допросах говорят, чтобы уйти от карающей руки советского пролетариата...

— Мудак, мудак! — вдруг заорал начальник, — ты прочитал справку? Он швырнул мне дело, и оно заскользило по поверхности стола. Я открыл его на том месте, где была бумажная закладка. Перед моим обвинительным заключением была подшита медицинская справка, из которой следовало, что обвиняемый с рождения страдал глухонемой.

РЕФЕРАТ

Закончив последнюю из лекций по краткому курсу «Введение в юридическую специальность», я объяснил, что к зачету необходимо представить рефераты, так или иначе раскрывающие юридическую тематику. Зная нравы наших студентов, заранее всех предупредил, что большинство интернетовских работ мной уже прочитаны по несколько раз, и напрасной тратой усилий будет попытка подсунуть их для проверки.

Через месяц, просматривая довольно большую стопку рефератов на повторяющиеся темы, я наткнулся на тот, который сразу же привлек мое внимание необычным названием: «Судебный процесс Люцифера против Иисуса под председательством Бога-Отца». По привычке, выработанной за многие годы проверки письменных работ, я тут же заглянул на последнюю страницу в перечень использованной литературы. Список это был удивительным! Там перечислялись трактат «Против сект» Эзника из Армении (V век), «Спор Дьявола с Христом» (XII в.), «Прения Бога с Сатаной» (XIII в.), «Судебный процесс Сатаны против Владычицы девы Марии под председательством Иисуса» Бартоло да Сассофферато (около 1359 г.), «Утешение грешников или процесс над Велиалом» Джакомо Палладини, епископа Сполето (1382 г.). В основном на материалах этой книги и был подготовлен реферат.

Во Введении указывалось на предысторию процесса. Для краткости изложения передам только основные аспекты реферата. На Совете демонов в Аду Люцифер пожаловался, что Христос не имеет права забирать заключенные в человеческих телах души. В претензии, направленной Иисусу было указано, что Дьявол имеет права на душу человека на основании первородного греха. В отзыве на претензию Христос ссылаясь на то, что он своими страданиями и смертью искупил первородный грех человека. Рассмотрев отзыв, Совет демонов пришел к выводу о существенном нарушении контракта Дьявола и Бога, по которому Господь предоставил демонам право искушать и наказывать слабых.

Тут чтение мое было прервано мыслью о том, что «после того, не означает по причине и в следствие того». Другими словами, право искушать и наказывать слабых за то, что они не устояли перед искушением, совершенно не означает право на душу человека. При таком подходе невозможно обеспечить соответствие греха или преступления тяжести наказания. Например, пожелал человек жену и осла ближнего своего... или даже только осла возжелал... И все? Отдай свою бессмертную душу? И что потом делать с наказанием за семь смертных грехов? Несмотря на успехи средневековой схоластики, вопрос явно не был разработан с исчерпывающей полнотой.

Адские силы, видимо, так не считали и рискнули ввязаться в судебный процесс. Совет назначил Велиала поверенным по подземному нечестию, и поручил ему требовать открытого судебного разбирательства по делу «Ад против Христа». Рассмотрев в предварительном слушании требования сторон и их возражения, Бог-Отец под своим председательством назначил рассмотрение дела в Иерусалиме. В качестве заседателей были приглашены Соломон и Моисей.

В первой главе реферата были подробно изложены вопросы подготовки к процессу Велиала и его демонических советников, аргументы и доводы из Священного Писания, включая неканоническое толкование. В качестве приложения к первой главе реферата были приобщены переведенные на современный русский язык многочисленные письма Дьявола, датированные XII — XIII веками и доверенность на ведение дела. Текст ее довольно примечателен и часть его я приведу в качестве примера дьявольской юридической стилистики. «Сатана, император королевства Ада, король теней и герцог самого нижнего края Земли, князь гордыни и вечный мучитель всех проклятых, своему вернейшему слуге и соучастнику всех наших трудов и вечной гордыни Велиалу настоящей доверенностью поручает защиту интересов Ада со всеми правами, которые предоставлены истцу... Датировано в центре Земли в нашем призрачном королевстве в присутствии орд демонов, специально приглашенных для этой цели...».

Во второй главе было рассказано о начале судебного процесса. Попытка Велиала заявить отвод председательствующему, в связи с его явной заинтересованностью в исходе процесса, не привела к успеху. Бог-Отец указал на то, что договор был заключен в незапамятные времена, и сейчас он утратил интерес к его исполнению. Велиал возражал, но его аргументы не были приняты во внимание. В доводах представителя Ада, на мой взгляд, был определенный резон: давность заключения контракта между Богом и Дьяволом, по сути дела, не влияла на фактическое нарушение договора со стороны божественных сил.

Бог-Отец, как верховный судья, обещал судить по справедливости, указав в то же время и на фактическое нарушение Дьяволом некоторых условий контракта. Это, по мнению председательствующего, в определенной степени, снимает его, Бога, заинтересованность в исходе процесса.

Признаюсь честно, что мне Божественная логика оказалась недоступной, но, не желая признаваться в этом, я отнес неясность доводов за счет неправильного перевода с латыни или недобросовестности студента, поленившегося изложить эти вопросы более подробно.

Большого успеха Велиал добился при отводе Святой Девы как *advokata human generis*. Основным дьявольским аргументом, впрочем, не касавшимся напрямую личности Святой Девы, было указание на то, что это несправедливо на основании nepотизма. Был также выдвинут и довод о том, что женщина не может быть достойным адвокатом, и ее участие в процессе не может обеспечить надлежащую защиту человеческого рода. Замечание Соломона о том, что слабость защиты будет только на руку силам Ада, с дьявольской уловкой парировалось тем, что женщина была создана совместными усилиями Бога и Дьявола. Председательствующий поспешил свернуть дискуссию на эту тему, чего, очевидно, и добивался Велиал. Моисей колебался, но потом большинством голосов судьи решили вопрос об отводе Девы Марии в качестве защитницы человечества. Соломон заявил, что свое несопадающее мнение он изложит в письменном виде. Однако из текста реферата не было ясно, выполнил ли он свое намерение, и сохранилось ли для истории это особое мнение. Клянусь непроверенными курсовыми работами будущего учебного года, было бы весьма интересно узнать мнение Соломона. Может быть, там содержалась дополнительная информация по вопросу, глухо упоминаемому в ранних христианских источниках, что Господь создал верхнюю половину женщины, а Дьявол — остальное...

Судя по неполной цитате из неизвестного источника, Дьявол, следивший за ходом судебного процесса прямо из преисподни, и вся свора демонов на этой стадии процесса начали ехидно хихикать, но радость их была не долгой.

При обсуждении вопроса о рассмотрении в качестве надлежащего доказательства ран Христа, Велиал потерпел сокрушительное поражение. Раны были признаны доказательством в силу общеизвестности факта их нанесения на Голгофе в 33 году нашей эры. В решение по этому вопросу особо было указано на присутствие при нанесении ран уполномоченных менеджеров римской провинциальной администрации и участие в процедуре представителей общественности, в частности, руководителей ряда местных религиозных организаций. По мнению судей, не доверять этим свидетельствам у суда не было оснований. Сомнения же ряда историков в факте смерти Спасителя на кресте не имеют юридического значения...

Этот реферат читался мной с нарастающим интересом. Как пойдет сам процесс под председательством Бога-Отца и участием таких видных представителей? Эти вопросы возникали постоянно, и я надеялся найти ответы в третьей главе. Но меня ожидало сильнейшее разочарование: весь текст следующей главы состоял вместо букв из квадратиков.

Позднее я узнал, что в черновом экземпляре реферата, который студент распечатывал для себя, в каждом квадрате было помещено микроскопическое изображение дьявольской рожи. Я могу выдвинуть несколько версий для объяснения этого недостатка реферата. Возможно, Дьявол не желал, чтобы подробности процесса стали известны широкой юридической общественности, а доводы каждой из сторон подверглись бы всестороннему историко-правовому и герменевтическому анализу. Вполне возможен и другой вариант: студент поленился писать третью главу реферата, нарисовал дьявольскую рожицу в квадрате, уменьшил размер, и заполнил этим символом часть реферата. Затем, желая посмеяться над преподавателем, принес свой экземпляр для показа и разумного объяснения. Впрочем, даже из имеющегося текста было понятно, что сатанинское отродье дело вело умно и тонко, используя всевозможные юридические уловки, к месту цитируя и толкуя Священное Писание и откровения Отцов Церкви.

В «Заключении» реферата было указано, что решение Божественного Суда было вынесено в пользу человечества, поскольку:

- 1) Дьявол сам нарушил контракт;
- 2) человечество было искуплено смертью Иисуса Христа;
- 3) Божественная милость и правосудие превосходят обычное правосудие.

Лично мне решение показалось половинчатым, поскольку (судя по тексту реферата), Дьявол в лице Велиала получил заверение, что демонам будет позволено удерживать души любых грешников, в искушении которых они преуспеют, «но не души праведников». Естественным образом, возникает вопрос о расплывчатости понятия «праведник» и понятия «преуспевания в искушении». Толкование понятий каждой из заинтересованных сторон способно породить

бесконечные тяжбы за каждую душу. Конечно, в этом есть и определенное преимущество — профессия юриста будет нужна всегда. Именно этот вывод и был сделан в конце реферата.

Разделяя мнение студента о вечности юридических профессий, я все же размышляю над вопросом, какую оценку поставить за реферат?

ПРИХОЖАЯ

Зуб болел со вчерашнего дня, но сегодня боль стала невыносимой. Я спросила у соседки по нарам, как записаться на прием к стоматологу. Вся переполненная «хата» затихла, и я поймала на себе сочувственные взгляды. Сочувствие — редкость в следственных изоляторах, а в женских камерах его не сыщешь, как говорится «днем с огнем». Меня только вчера — прямо с этапа — сунули сюда, я еще не знала местных особенностей этого сибирского СИЗО. Поэтому и сочувствие отнесла к своей зубной боли.

— Не дай Бог попасть к Сувенирнице, — протянула пожилая тетка, и, видя, что я не понимаю ее, продолжила, — это кликуха такая у нашего зубного врача...

— Почему Сувенирница? Она сувениры любит? А у меня ничего нет, — забеспокоилась я.

— Любит, любит, — как-то странно вздохнула тетка, — ну да все равно тебе деваться-то некуда...

...Сувенирница оказалась еще не старой женщиной с сильными руками... Я и охнуть не успела, как больной зуб и еще два здоровых оказались выдернутыми. Позднее оказалось, что я еще легко отделалась... Эски со страхом рассказывали, о том как, войдя в раж, Сувенирница могла и пяток выдернуть... И больные и здоровые зубы летели как брызги...

А на досуге Сувенирница выкладывала из удаленных зубов портреты любимых вождей — Ленина, Дзержинского, Буденного. Говорили даже, что дома у нее вырванными зубами была отделана прихожая...

УКРАДЕННАЯ ЦИСТЕРНА

Все фамилии вымышлены, все совпадения случайны.

Автор

Это была хорошая цистерна: большая, почти новая, из отличной нержавеющей стали. Но если говорить прямо и честно — она и была новой. Одним словом, это была не цистерна, а мечта рачительного домохозяина и садовода. Как и почему она оказалась на хозяйственном дворе воинской части, уже никто не помнил, хотя в документах она числилась и имела определенную цену. Конечно же, майор Кулачков не хотел ее красть, и для этого было как минимум три причины. Первая: общеизвестно, что офицеры доблестной армии по определению не могут быть ворами. Вторая: Кулачков был начальником особого отдела, а положение, как известно, обязывает... Третье: после разговора с нужным человеком цистерна вдруг стала резко терять свою стоимость, и с составлением каждого нового документа ее качество все ухудшалось и ухудшалось. Когда цена нержавеющей цистерны сравнялась с ценой макулатуры, Кулачков решил ее купить...

...И вот цистерна пропала, точнее сказать, кто-то ее нагло украл и увез с территории воинской части в неизвестном направлении. Сжав зубы, майор молча поклялся, что найдет негодяя, похитившего воинское имущество.

Через несколько дней, собрав необходимую информацию и проанализировав ее, Кулачков пришел к выводу, что кражу совершил прапорщик Мышкин. К разговору с ним майор тщательно подготовился. Он убрал со стола все бумаги, и на видное место положил Уголовный кодекс, приготовил к записи магнитофон, включил яркое освещение. Заранее предупрежденный караульный, увидев пришедшего на службу Мышкина, сразу же направил его в особый отдел.

— Товарищ майор! Прапорщик Мышкин по Вашему приказанию прибыл.

— Входи, Мышкин, входи.

Дождавшись, когда Мышкин дойдет до середины кабинет, Кулачков нажал под столешницей на кнопку электрического замка, и сухой щелчок известил, что дверь заблокирована. Теперь никто

не мог зайти в кабинет или выйти из него, пока Кулачков не наберет нужный код. Этот негромкий звук заставил Мышкина вздрогнуть, и он с тоской посмотрел на зарешеченные окна особого отдела.

— Садись, Мышкин, садись.

— Ну, сесть я всегда успею, товарищ майор, — неловко попытался пошутить Мышкин.

Кулачков шутки не принял и продолжал холодно разглядывать прапорщика. Под его тяжелым взглядом Мышкин присел на стул, поставленный возле майорского стола. Прапорщик непроизвольно посмотрел в сторону Уголовного кодекса и облизнул пересохшие губы.

«Волнуешься, гад, точно цистерну упер, сейчас ты у меня запоешь, а пока я помолчу, дозревай, сволочь поганая», — с ненавистью думал майор, молча глядя на ерзающего прапорщика. Пауза затягивалась, но майор не торопился, ожидая когда «клиент дозреет». Наконец он решил, что пора, молча достал из стола лист белой бумаги и авторучку, положил их перед Мышкиным и сказал:

— Пиши.

— Что писать, товарищи майор? — еле шевеля губами, прошептал побледневший прапорщик.

— Явку с повинной пиши. И помни, что, может быть, — майор выдержал многозначительную паузу, — я подчеркиваю, может быть, твое чистосердечное признание будет учтено...

Произнеся это, майор, в упор глядя на Мышкина, дождался пока тот возьмет авторучку и наклонится на бумагой. После этого он отвернулся и отошел к окну. Глядя на плац, и мысленно улыбаясь, Кулачков, похвалил себя: «Есть еще порох в пороховницах», рано нам на пенсию, повоюем еще...».

— Написал, товарищ майор, — еле слышно произнес Мышкин.

Кулачков вернулся к столу, взял бумагу и, продлевая удовольствие, не стал ее сразу читать. Он обогнул стол, сел на свое место, не торопясь закурил и только после этого начал чтение. После первого взгляда буквы запрыгали у него перед глазами, а дым от сигареты комом в горле застрял...

На листе бумаги трясущейся рукой Мышкина было написано: «Начальнику особого отдела товарищу майору Кулачкову. «Я, прапорщик Мышкин Сергей Валентинович, чистосердечно признаюсь и добровольно раскаиваюсь в том, что в период службы в Группе Советских Войск в Германии был завербован западногерманской разведкой... Прошу Родину сохранить мне жизнь и честным трудом искупить свою вину».

РАЗНЫЕ ЦЕНЫ

Кузнец сказал ученику: «Как только выну из горна подкову и кивну головой — бей по ней». Ученик так и сделал... Кузнеца похоронили, а ученик стал мастером.

Старый анекдот

На этот раз судьба послала мне в качестве попутчиков пожилого адвоката, молодого парня с повадками рэкетира, и старейшину религиозной организации какой-то христианской конфессии. На вид ему было около сорока лет.

После обустройства в купе и поверхностного знакомства, молодой всем предложил пиво. Старейшина отказался, а мы с адвокатом решили составить парню компанию. Понемногу сложилась та дорожная атмосфера необязательных разговоров, которая возникает когда люди знают, что, расставшись через несколько часов, они уже никогда не повстречаются. Парень рассказал анекдот, все детали полностью я не запомнил, но общий смысл уловил.

На горнолыжном курорте в ресторане за одним столиком сидели молодой «новый русский» и пожилой американский миллионер. Русский молча ел, пил виски, и каждый раз уходил, не сказав ни слова. Американец, желая завязать светские беседы, начал разговор том, что уже несколько дней стоит хорошая погода, и, наверное, так будет до конца месяца. Русский посмотрел на него и с угрозой произнес: «Смотри, за базар ответишь».

Пиво развязало язык молодого, и заканчивая анекдот, он сматерился.

«Господь будет карать за каждое гнилое слово», сказано в Библии, поэтому не сквернословьте, молодой человек, — наставительно произнес старейшина. Я думал, что парень

ответит ему грубостью или оскорблением, но тот неожиданно для меня смутился. Он пробормотал что-то не очень вразумительное, мол, и здесь «иногда за базар отвечать надо».

Адвокат, слегка оживленный пивом, к слову вспомнил две истории из своей практики.

— Когда я был совсем молодым, то однажды в колонии строгого режима участвовал в судебном процессе. Один зэк отрезал другому голову, ну а мне пришлось его защищать. На вопрос судьи о том, зачем он это сделал, мой подзащитный бесхитростно сказал: «А будет знать в следующий раз, как козлом называть». А вчера вот тоже был в следственном изоляторе у другого подзащитного: убил потерпевшего за оскорбление.

— За гнилой базар? — уточнил парень.

— Трезвый? Раньше сидел, простите, отбывал наказание? — спросил я.

— А что сделал потерпевший? — поинтересовался старейшина.

— Потерпевший два года служил в десантных войсках, научился махать кулаками, и в своем маленьком городке был, что называется «первый парень на деревне». Подзащитный мой три недели назад освобожден, отбыв восемь лет лишения свободы за нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, в момент убийства был почти трезвым, — разом ответил на все вопросы адвокат.

Из дальнейшего рассказа стало ясно, что при совместной пьянке потерпевший неловко выразился в том смысле, что он с населением всего городка принудительно совершает оральные половые акты. Нет, конечно, адвокат дословно и в нецензурной форме процитировал последние слова убитого — «он мол, в рот всех...» — но повторять их нет необходимости. Обычный пьяный мат для связки слов, даже без желания оскорбить собутыльников. Но недавно освобожденный принял это выражение на свой счет. Он спросил: «И меня тоже?», а когда потерпевший на мгновение задержался с ответом, одним ударом кухонного ножа в сердце «завалил бедолагу».

— И что же теперь? — спросил старейшина.

— Обвинение считает, что это убийство из хулиганских побуждений с использованием для ссоры с потерпевшим малозначительного повода. Я настаиваю на квалификации убийства при смягчающих обстоятельствах, так как было сильное душевное волнение, вызванное тяжким оскорблением моего подзащитного со стороны потерпевшего. Разница в санкциях по этим двум статьям Уголовного кодекса от пяти до пятнадцати лет лишения свободы или смертная казнь.

Адвокат закончил свой рассказ и потянулся к стакану с пивом.

— Круто, — заявил молодой, но было непонятно, к чему именно он это относит: к позиции адвоката, к смертной казни или к самому убийству.

Старейшина посмотрел на меня и промолвил:

— Господь сказал «Не убий», ибо это есть смертный грех... — затем, чуть помолчав, добавил, — А Вы что думаете? Вы как-то странно все время молчите, хотя и участвуете в общем разговоре.

— Мольер во время работы над «Дон Жуаном» в одном из своих прошений королю выразился так: «Большинство комических ситуаций возникает из-за невозможности взаимного понимания и из-за использования одного и того же слова для выражения вещей противоположенных по значению»... А еще я вспомнил одну прочитанную недавно историю, если желаете — то коротко перескажу ее. Попутчики ответили согласием, вероятно, надеясь услышать еще какую-нибудь криминальную историю.

...Незадолго до начала Второй мировой войны двадцатидвухлетним пареньком Ион Корчинский приехал из Кишинева в Ленинград поступать в университет на филологический факультет. У себя в Молдавии он был уже признанным поэтом, имел две книжки стихов, писал и на русском и на молдавском языках. Через год уехал домой на каникулы и там был арестован. К тому времени советские войска уже вошли в Бессарабию. Главным пунктом обвинения были две строчки из стихотворения Корчинского:

*Черный ворон кружит над Днестром
И сулит ему страшные беды...*

Поэт имел ввиду тайную румынскую полицию — сигуранцу — которая замышляла планы нового отторжения Бессарабии от СССР. Но следователь посчитал, что словами «черный ворон» поэт обозначил автомашину, в которой в Кишиневскую тюрьму доставлялись арестованные. В приговоре было указано: «Издавательство над органами НКВД, пособничество врагам СССР».

В качестве наказания поэту назначили высшая мера социальной защиты — расстрел. Приговор привели в исполнение в тот же день...

ПОСЛЕ ЛОГИКИ...

Речи мои представляют отнюдь не пачкотню, как вы изволите выражаться в присутствии дамы, а вереницу прочно упакованных силлогизмов, которые оценили бы по достоинству такие знатоки, как Секст Эмпирик, Марциан Капелла, а то, чего доброго, и сам Аристотель.

М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Лекция закончилась, и студенты двух групп шумной толпой двинулись из поточной аудитории. Возле стены с большими окнами остались Андрей и Гоша. Они, очевидно, продолжали спор, возникший еще до перемены. Мне надо было поговорить с ними, и я остановилась возле спорящих парней. Лучше бы я этого не делала!

— Да ерунда все это, кому нужна эта логика... «Умозаключение по аналогии», «Отношение между понятиями»... ерунда, — с презрительной интонацией повторил Гоша.

— Ты не прав, и я тебе сейчас докажу это на примере, — спокойно ответил Андрей и посмотрел на меня. — Путем логического анализа я установлю факт, который сейчас скрыт от окружающих, по крайней мере, он не известен ни тебе, ни мне. И если я буду не прав, то Мария меня опровергнет, и я публично признаю ненужность логики как науки и учебного предмета. — Ты согласна быть третейским судьей? — обратился ко мне Андрей.

Что должен делать «третейский судья» я не знала, но Андрей мне нравился, и я тут же согласилась с его предложением. Черт бы побрал и Андрея и его логику — всего через несколько секунд я проклинала себя за это согласие.

— У Марии сегодня зеленые плавки, — сказал Андрей и снова посмотрел на меня. Я тут же вспыхнула и густо покраснела, потому что так оно и было.

— Как ты угадал? — удивленно спросил Гоша, от которого не укрылось мое смущение.

— Ни какого угадывания: простой логический анализ, — ответил Андрей. — Общеизвестно, что Мария — девушка с хорошим вкусом и тщательно выбирает, что именно должно быть перед выходом из дома. Сейчас на голове у нее широкая зеленая резинка для волос. Применяем правило опосредствованного установления истины и закон исключенного третьего. Если у Марии хороший вкус, и она перехватила волосы зеленой резинкой, следовательно, Мария подобрала плавки в тон резинки для волос. Третьего не дано. Построив в уме таблицу истинности, я вывел простой категорический силлогизм и оказался прав. Так ведь, Мария?

— Пошел к черту, — выкрикнула я ему и выбежала из аудитории. Уже на ходу я услышала, как Гоша задумчиво бормотал, что «все S суть P. Не один не P не суть S... логический квадрат...».

Логику я толком не учила, а все лекции проболтала с подружкой, и поэтому рассуждения Андрей были мне не понятны. Но главное было не это — утром зеленые плавки я одела совершенно случайно. Могла бы взять из шкафа и белые, и черные и красные. А резинку для волос вообще чуть не забыла и схватила в последний момент... Неужели логическому анализу поддаются даже такие случайности? Эти мысли не давали мне покоя весь день и, в конце концов, не выдержав, я спросила об этом у Андрея.

— Все поддается логическому анализу, — вежливо ответил Андрей. — Например, я могу сказать, что твои плавки состоят из двух треугольников, соединенных узкой тканевой полоской... Мария, я тебе расскажу, как это делается... если сдашь экзамен по логике.

Я удивленно взглянула на него и побрела зубрить логику. Потому, что Андрей опять сказал все правильно...

...Логику я сдала на «отлично», хотя и не во всех вопросах хорошо разобралась. Из всей нашей группы только Андрей и Гоша тоже получили хорошие оценки.

Мало-помалу моя злость на Андрея прошла, и как-то после занятий я напомнила ему про обещание рассказать, как он путем логического анализа сделал правильный вывод о цвете моего белья.

Андрей видимо не сразу вспомнил, о чем речь, а потом рассмеялся:

— Маша, все очень просто. Мне хотелось щелкнуть по носу этого умника Гошу... и я выдал ему речь про логический анализ. А цвет плавок был хорошо виден, когда ты на лекции сидела впереди меня. Кофточка твоя все время поднималась, а джинсы были низко на бедрах...

ТЕРПЕНИЕ

...Она терпела супружеские измены — то, что муж скромно называл «романтическими приключениями на стороне»: все надеялась, что с возрастом он образумится. Терпела его вечные ухлестывания за своими подругами до тех пор, пока подруг не осталось...

Лишь однажды, пару лет назад, не выдержала и вслух прочитала заметку в газете о том, как где-то в Америке жена, разъяренная изменами, ножницами отрезала спящему мужу половой орган. Окончание у той истории было достаточно оптимистичным: увидев, как муж извивается от боли, жена пожалела его и сразу же вызвала скорую медицинскую помощь. Половой орган американцу пришили. Оказалось, что самое главное — это скорость обработки раны и проведение операции, чтобы не началось отмирание клеток, надо в течение часа пришить орган обратно. Деньги за операцию заплатил какой-то благотворительный фонд. Узнав, что наркоз по каким-то причинам был противопоказан потерпевшему, и что он всю операцию терпел боль, журналисты самой читаемой газеты штата, присвоили герою звание «Мистер Терпение года».

Ее муж был возмущен бесподобным коварством американских женщин, но потом успокоился. Россия, как известно, не Америка. Не там, а здесь поэт написал бессмертные строки про то, что есть женщины в русских селеньях. Ну, вы помните, как это у Некрасова звучит

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

...Как и почему началась ссора между супругами, никто не узнал. Но вся пятиэтажка слышала дикие крики от боли... Взволнованные соседи вызвали «скорую помощь» и милицию. Даже врачи не сразу поняли, в чем же дело: лицо мужчины было окровавлено, брызги крови были по всей квартире. Видимо, он повсюду метался до приезда врачей. Жена сидела в комнате за столом и молчала. Она не откликалась на вопросы соседей, не отвечала врачам. Впрочем, врачи вскоре разобрались, что мужчина в схватке после ссоры лишился носа... Разобраться-то разобрались, но нос найти не могли, хотя вместе с милиционерами тщательно осмотрели всю квартиру. Мужа увезли в больницу, соседи разошлись, из опергруппы в квартире остались только два человека...

...Немолодой следователь, умевший «колоть» даже особо опасных рецидивистов, уже полтора часа не мог добиться от женщины ни одного слова. Не помогали ни увещания, ни хитрые психологические приемы, ни угрозы суровым наказанием, ни обещание оставить на свободе, если она даст правдивые показания: женщина все так же молчала, сидя за столом и склонив голову на грудь...

Несмотря на профессиональную сдержанность, терпение следователя подходило к концу. Он встал, прошелся по комнате, не обращая внимания, что наступает на пятна крови, потом снова сел к столу и сделал последнюю попытку.

— 15 лет назад, молодым следователем я столкнулся с полным молчанием на допросе. Два часа я уговаривал женщину дать показания против ее бывшего любовника. И расстались они давно, если можно применить слово расстались к ситуации, когда он ее бросил, и человечиска был дрянью, и обвинялся в изнасиловании несовершеннолетней. Никакие доводы не действовали на ту женщину: она молчала. Несмотря на молодость, я понимал, что она все еще его любит. Такое своеобразное «молчание любви». Но Вы-то, Вы, почему молчите? Что — тоже любовь? Сильные чувства с членовредительством? Ну, скажите мне по-человечески — почему Вы молчите?

Неожиданно женщина подняла голову, взглянула на стену, где висели часы, потом выплюнула на стол откушенный нос, и, вытерев рукавом халата рот, хрипло произнесла:

— Все, теперь ему обратно нос не пришьют...

ПРОЛЕТЕЛА...

Размышления промахнувшейся пули

Начало истории было обыкновенным, как и у миллионов моих сестер. Скоростное изготовление на конвейере патронного цеха даже трудно назвать рождением. Обычная пуля, без приставки «спец». Это «спехухам» почти всегда везет. Носятся с ними, берегут, используют только по назначению... Одно слово «элита», заклинй тебя в стволе. Не то, что мы — обычные трудяги.

С гильзой мы были объединены в патрон, и тоже без нашего на то согласия. Как пришлось... Патрон, он и есть патрон, и пишется через «П». От судьбы, как говорится, не уйдешь. Да, кстати, как она там, гильза моя, после выстрела? На месте снайпер ее не оставит, заберет с собой, это и капсюлю понятно. Ну, а потом? Закинет в реку или в канализационный люк, втопчет в лесную землю, бросит в костер? Эх, гильза-гильза, уж лучше при уголовном деле храниться. Откуда я про уголовные дела знаю? Полежите с мое в комнате бывшего хозяина и не такое еще узнаете. Да и тот нож многое повспоминал, пока мы в ящике до города добирались...

Вернемся к моей судьбе. Да, сама судьба была предрешена. Я могла быть выстрелена на учениях или в бою. Могла, конечно, попасть к охотнику и застрять в какой-нибудь кабаньей туше. Могла после долгих лет хранения на складе быть списана и уничтожена по акту. Бр-р..., даже думать об этом противно. Лучше уж «попасть в молоко» после неожиданной команды «огонь» или уйти в небо после крика «Стой, стрелять буду». Все веселее — себя не покажешь, так хоть мир посмотришь. Но мне досталась иная судьба — опытная рука снайпера, ставшего киллером, послала меня в ствол. Еще совсем недавно, не лишившись своей гильзы, из глубины ствола я смотрела на висок будущей жертвы. Видно, правда, плохо было, но я верила мастеру — не промахнется.

Как же все-таки так вышло? Или он промахнулся, или я отклонилась? А если этот мерзавец и не хотел попасть в висок? Если он хотел только попугать жертву? «Неточность — вежливость снайпера», так, кажется, они шутят. Негодяй, он же мог пожалеть свою цель! А меня кто теперь пожалеет? «Пропала за зря», фигуру испортила, наконечник полностью расплющился — аж думать тяжело. Мало радости, что кусок стены испортила. А, может, мастер не виноват? Что-то мне ветер не нравился, когда я летела. Нож, со слов хозяина, рассказывал, что эти противные ветра иногда в полете пули отклоняют. Вроде и усилие-то небольшое, и отклонение чуть-чуть, а в полете на большом расстоянии приводит к промаху. Станок его знает, в чем причина?

Стоп, «мои мысли, мои скакуны» (так мастер любил напевать, выбирая место для стрельбы). А, может, это жертва головой дернула в момент моего выхода из ствола? Я-то в запальчивости не обратила на это внимание. Позер проклятый, знаменитость без ободка... Что у тебя сердечник со смещением? Не можешь спокойно постоять в момент выстрела? Патрон отсыревший тебе в задницу... Задергал своей башкой тупоголовой... Да она у тебя и предназначена была только для одного, чтобы я в нее аккуратно вошла и вышла (ну с выходом это уж как повезет). У тебя одно достоинство было — знаменитость, бля..., да и от этого толку мало оказалось. «Человек — это звучит гордо»! Вам бы некачественного пороха в одно место насыпать... Мне одна «спецуха» рассказывала — великий немецкий философ Кант сказал, что человек не может быть средством, «человек всегда цель». Ее хозяин (к слову надо сказать, великолепный киллер, не то, что мой тьюфяк), любил повторять это выражение — «человек всегда цель». «Спецуха» правда, не была уверена, что Кант именно это имел в виду, но я с ее хозяином и с Кантом полностью согласна.

Ах, если бы я попала в цель, то благодаря знаменитости жертвы, сама бы стала знаменитостью. Руки судебно-медицинского эксперта бережно извлекли бы меня из мертвого тела, омыли от крови и мозгов. Руки эксперта-криминалиста так же бережно бы меня вращали во время исследования. А как бы меня фотографировали! Вид сбоку, вид сверху! Еще раз вид сбоку... Прокурор в судебном процессе всем бы показывал меня в прекрасном полиэтиленовом

пакетике с биркой (ну, конечно, при условии, что стрелка бы нашли и довели до зала суда...). Но даже если бы не нашли, моя судьба не была бы так горька, как сейчас. Сначала бы меня хранили вместе с другими вещественными доказательствами, потом, может быть, меня бы выкрали и перевезли тайно через границу.

А потом — продали бы на аукционе за большие деньги. Ах, аукцион! Вздох зрителей после третьего удара аукционного молотка и возгласа «Продано», радость покупателя или коллекционера...

Что там за шум? Корова! Я их видела однажды, когда хозяин из коробки нас доставал. Шмяк, шмяк... Ну вот, теперь точно никто не найдет. Одним словом, пролетела... Завалили...

СУДЕБНЫЙ СПОР О ВЕЧНОМ ДВИГАТЕЛЕ

...В установленный договором срок Вечный двигатель был изготовлен, проверен, отремонтирован после проверки, испытан в присутствии заводского начальства, отремонтирован после испытания, сдан по Акту представителям Заказчика, вновь отремонтирован после сдачи, и наконец-то запущен в работу... Однако, уже через восемь минут после начала работы Вечный двигатель заклинило!

Вот так в суде изложил свою правовую позицию представитель Заказчика (Истец). Он требовал возместить прямые убытки, вызванные ненадлежащим исполнением договора на изготовление Вечного двигателя, и упущенную выгоду за ближайшие 10 000 лет...

Представители Исполнителя (Ответчика) возражали против заявленных исковых требований, утверждая, что договор подряда на опытно-конструкторские работы по проектированию и изготовлению Вечного двигателя был выполнен надлежащим образом. По их мнению, поломка Вечного двигателя была вызвана его ненадлежащей эксплуатацией, в частности, нарушением сроков профилактического обследования и ремонта. Оказывается, один раз в неделю Вечный двигатель необходимо было останавливать на профилактику (желательно по пятницам после обеда). Заказчик это условие не выполнял! Кроме того, по мнению представителей Ответчика, срок в 10 000 лет для расчета суммы упущенной выгоды несоразмерно велик, и достаточно было бы 6 месяцев...

Представители Истца возражали и указывали, что эксплуатация Вечного двигателя началась утром в понедельник, что первые (и последние) обороты Вечный двигатель сделал именно в понедельник, не дождавшись пятницы... Срок 6 месяцев, названный представителями Ответчика, не сопоставим с понятием «Вечность», а 10 000 лет были указаны как ориентир, что суд может, по своему усмотрению, руководствуясь принципами разумности и справедливости, увеличить этот срок...

Каждая из сторон ссылалась на нормы гражданского законодательства и подзаконные акты, а также на судебную практику по исполнению договора подряда. Впрочем, ранее споров о некачественном изготовлении Вечных двигателей наши суды не рассматривали...

Уходя на совещание для вынесения решения, один из судей ехидно поинтересовался, почему представители Истца и Ответчика не ссылаются на законы Мироздания...